

CH.W. BLACKWELL. In the Absence of Alexander. Harpalus and the Failure of Macedonian Authority. New York: Peter Lang Publishing, 1999. 185 p.

Небольшая книга молодого американского исследователя Х.В. Блеквелла посвящена очень короткому историческому периоду, центром ее являются события от весны 324 г. до н.э. и вплоть до смерти Александра Македонского летом следующего года. Она состоит из «Предисловия», шести глав основной части: 1 – «Введение в проблему», 2 – «Три требования выдачи Гарпала», 3 – «Антипатр и греки», 4 – «Олимпиада», 5 – «Предпосылки кризиса», 6 – «Падение македонского владычества» и «Заклучения». В конце имеются библиография и указатели.

Первая глава начинается с краткого описания ключевых событий, пересказ которых позволяет подойти к анализу сущности происшедшего. В конце весны 324 г. до н.э. Гарпал, выполнявший несколько лет функции казначея Александра Македонского, бежал из Вавилона и прибыл в Афины с несколькими тысячами талантов, взятыми из вверенной ему казны, 30 кораблями и 6000 воинов-наемников. Афиняне первоначально отказались впустить его в город. Они даже подозревали, что прибытие Гарпала – это попытка македонян захватить город. Гарпал был вынужден отправиться на мыс Тенар. Однако позднее, когда он только с небольшой свитой вновь появился в Афинах, ему было позволено войти в город в качестве «умоляющего». Афиняне конфисковали имевшиеся у него денежные средства, самого же его взяли под стражу.

Вскоре в Афины прибыли послы от Филоксена, македонского стратега в западной Малой Азии (видимо, Киликии), с требованием выдачи Гарпала. Вслед за этим появились еще два посольства с аналогичными требованиями: от матери Александра Македонского Олимпиады и от Антипатра, наместника Александра в Македонии и Греции. В конце концов Гарпал бежал из Афин и присоединился к своим войскам, находившимся на мысе Тенар. Несколько позднее он оказался на Крите, где и погиб от руки одного из командиров наемников.

В самих Афинах вскоре выяснилось, что часть средств Гарпала, хранившихся на акрополе, исчезла. В результате расследования, проведенного Ареопагом, весной 323 г. до н.э. ряд ведущих политических деятелей Афин, включая Демосфена, были преданы суду по обвинению в том, что они расхитили значительные суммы и позволили Гарпалу бежать. Этот скандал («дело Гарпала») взволновал не только Афины, но имел отклики по всей Греции. Многие исследователи считают, что именно с него начался настоящий кризис в македоно-афинских отношениях.

Дело Гарпала породило целый ряд специально ему посвященных исследований¹, не говоря уже о том, что оно обычно занимает заметное место в работах, посвященных истории Александра Македонского или истории Афин.

Х.В. Блеквелл согласен с теми, кто видит в «деле Гарпала» причину открытого кризиса в отношениях между Афинами и Македонией, приведшего в конечном счете к Ламийской войне. Вместе с тем он подчеркивает, что этот вопрос должен быть рассмотрен в более широкой временной перспективе.

Автор начинает свое исследование с основного для него вопроса: почему в Афины прибыло три посольства, имевшие, в сущности, одно и то же поручение – потребовать выдачи Гарпала? Этот вопрос всерьез не ставил ни один из историков, изучавших данный период, хотя, с точки зрения Х.В. Блеквелла, он имеет фундаментальное значение.

Все дальнейшее содержание книги представляет собой ответ на этот вопрос. Прежде всего, Х.В. Блеквеллу приходится доказывать сам факт появления именно трех посольств, поскольку сообщения историков весьма путаные и ряд историков сомневается в этом, считая, что посольств было два. Аргументация автора книги выглядит здесь достаточно убедительной. Он также подчеркивает, что и в 324 г. (когда появился Гарпал), и весной 323 г. (всего за несколько месяцев до смерти Александра) афиняне боялись войны с македонянами. Тем не ме-

¹ См., например, *Adams Ch.D. The Harpalos Case // TAPA. 1901. 32. P. 121–153; Badian E. Harpalus // JHS. 1961. 81. P. 16–43; Colin G. Démosthène et l'affaire d'Harpale // REG.1925. 47. P. 306–350; Heckel W. The Flight of Harpalus and Taurosos // CP. 1977. 72. P. 135; Körte A. Der Harpalische Prozess // Neue Jahrbücher. 1924. 53. S. 217–231; Jaschinski S. Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos. Bonn, 1981; Worthington I. Harpalos and Macedonian Envoys // LCM. 1984. 9. P. 47–48; idem. The Harpalus Affair and the Greek Response to the Macedonian Hegemony // Ventures into Greek History / Ed. I. Worthington. Oxf., 1994. P. 307–330.*

нее все три посольства не достигли своей цели – афиняне отказались выдать Гарпала, хотя теоретически это грозило им серьезными осложнениями, поскольку в распоряжении и Александра Македонского, и его наместника Антипатра имелись огромные ресурсы.

Соответственно, встает вопрос и о том, почему македоняне не попытались наказать афинян за этот, в общем, оскорбительный отказ. Для ответа на него Х.Б. Блеквелл обращается к анализу ситуации, в которой находились основные представители Александра в Македонии и Греции – Олимпиада и Антипатр.

Х.Б. Блеквелл отмечает, что власть Антипатра никогда не была, строго говоря, институализирована. Он был оставлен Александром, чтобы управлять Македонией и покоренной Грецией, но его власть не имела каких-либо четко очерченных полномочий и границ, особенно в отношениях с греческими полисами, и не была где-либо документально зафиксирована. Отношения между Македонией и греками определялись Коринфским договором, т.е. договором между греческими полисами и царем Македонии. Ясно определенного места для Антипатра в этой структуре не было. Его способность держать под контролем греков определялась только находящимися в его распоряжении силами и умением ими распорядиться. Особенно отчетливо это стало ясно в период спартанского выступления во главе с царем Агисом III.

В обстановке, сложившейся в то время, было несколько важных аспектов. Прежде всего, автор обращает внимание на то обстоятельство, что практически все пелопоннесские полисы поддерживали Спарту. Отказались от участия в выступлении только те из них, которые находились под прямым македонским контролем (т.е. где были македонские гарнизоны или поставленные македонянами тираны) или имели многовековые традиции вражды со Спартой. В Афинах и других полисах, сохранивших нейтралитет, совершенно открыто обсуждалось, участвовать или нет в военных действиях, при этом о верности Коринфскому договору речи не было, наоборот, сам Коринфский договор служил базой для антимакедонской пропаганды². Антипатр даже не пытался привлечь греческие полисы к борьбе с Агисом III, опираясь на этот договор. Синедрион в Коринфе был созван только после решительного поражения спартанцев и их союзников для решения их судьбы.

Х.В. Блеквелл также подчеркивает то обстоятельство, что Антипатру понадобилось значительное время и огромные усилия для того, чтобы собрать армию, которая могла помериться силами с войсками Агиса. Александр Македонский постоянно требовал подкреплений, буквально «вычерпывая» подрастающее поколение македонян, способных носить оружие. Антипатр же понимал, что с оставленными в его распоряжении силами ему будет очень трудно удержать Грецию под контролем. В случае, если бы на сторону Агиса встали афиняне, исход войны вполне мог быть другим. Факт больших потерь среди македонян в битве при Мегалополе также заставлял его смотреть на события совсем по-иному, нежели Александр. Кроме того, македонский царь не смог ничем серьезно помочь Антипатру.

Таким образом, расхождения между целями Александра и Антипатра, по мнению Х.В. Блеквелла, становились все более явными. Остроты этому противоречию придавали и известия, приходившие из македонского лагеря, в частности, о казни Филоты, убийстве Пармениона и, наконец, об убийстве зятя Антипатра – Александра Линкестиды. Это противоречие росло и создавало предпосылки для открытого конфликта. Позднее недовольство Александра Антипатром имело своим результатом приказ отправиться в Македонию Кратеру вместе с солдатами, уже уволенными со службы, а Антипатру – с новыми пополнениями прибыть ко двору Александра.

Другой центр власти в годы отсутствия Александра представляла Олимпиада. Автор довольно много времени и сил тратит на то, чтобы попытаться определить ее официальное место в структуре власти в Македонии и Греции. Хотя ее власть иногда в источниках определяется как *προστασία*, этот термин не имел тогда никакого четко институционального значения, а зависел целиком от реального положения и реальной силы. В действительности та власть или авторитет, которыми обладала Олимпиада, зависели от ее контактов с сыном. Пока Александр находился сравнительно недалеко от Эллады и Олимпиада могла путем переписки поддерживать с ним контакт, ее значение было достаточно велико. Самым ярким доказательством этого автор считает тот факт, что хлеб из Кирены адресовался лично Олимпиаде³. Олимпиада, находясь в Пелле, была весьма активна в период до поражения Агиса. Антипатр был

² Имеется в виду XVII речь «Демосфенова корпуса».

³ См. A Selection of Greek Historical Inscriptions. V. II. From 403 to 323 B.C. / Ed. M.N. Tod. Oxf., 1968. № 196. Автор (как и многие другие исследователи) считает, что зерно из Кирены отправлялось по настоянию Александра.

слишком занят чисто военными проблемами, кроме того, она была готова к тому, чтобы немедленно принять власть в случае его гибели. Когда же личная власть Антипатра укрепилась после его победы над спартамцами, Олимпиада предпочла перебраться в Эпир, что давало ей большую самостоятельность в действиях.

Итак, во все время отсутствия Александра в Македонии в той или иной степени существовало два параллельных центра власти. И Антипатр, и Олимпиада действовали, в общем, в интересах Александра, но они по-разному представляли эти интересы. Кроме того, у каждого из них были и собственные цели и амбиции, которые расходились и чем дальше, тем больше.

С точки зрения Х.Б. Блеквелла, события, происходившие в 330–324 годах, хорошо иллюстрируют наметившуюся тенденцию. Антипатр очень опасался, что с теми силами, которые были у него в распоряжении, он не сможет противостоять еще одному восстанию в Греции. В соответствии с такой ситуацией, он, с одной стороны, не предпринимал никаких серьезных акций в Греции, с другой же – продолжал поддерживать промакедонских тиранов и олигархов, которых он ранее привел к власти в ряде полисов. Важную роль продолжали играть и македонские гарнизоны, поставленные в ключевых пунктах. Вместе с тем Антипатр все более отчетливо осознавал отличие своих целей от целей Александра. Он, в частности, вопреки прямому приказу Александра, не наказал этолийцев за их участие в спартанском выступлении, но даже заключил с ними секретное соглашение.

Как отмечает Х.В. Блеквелл, идея Д. Менделса о том, что в эти годы в Греции начал формироваться «антипатровский блок»⁴, возможно, излишне заострена, но сама суть происходящих событий им отмечена верно. Резкое обострение ситуации в Греции приходится на период сразу после возвращения Александра из Индии. Столкнувшись с тем фактом, что многие назначенные им правители сатрапий и иные высокопоставленные чиновники вели себя в годы его похода на крайний Восток как совершенно независимые правители, он предпринял те меры, которые обычно называются современными учеными «чисткой». Однако карательных мер против отдельных лиц было недостаточно, тем более что некоторых из правителей (Клеомена в Египте и того же самого Антипатра) было трудно отрешить от должности. Поэтому Александр издает указ, запрещающий сатрапам иметь собственные вооруженные силы. В результате несколько десятков тысяч наемников лишились средств к существованию и в конечном счете оказались в Греции, представляя собой взрывоопасную массу. Александр попытался решить эту проблему, издав так называемый «декрет об изгнанниках». С точки зрения автора, издание декрета представляло собой меру, направленную не на установление спокойствия в Элладе, а на то, чтобы создать в полисах группы людей, благодарных и преданных Александру. Вместе с тем эта мера была в какой-то степени направлена против Антипатра, поскольку выполнение ее возлагалось на него. Антипатр должен был, если надо то и силой, добиться выполнения приказа Александра, а это взорвало бы ситуацию и поставило Антипатра в труднейшее положение.

Если ранее Афины сохраняли спокойствие, то «декрет об изгнанниках» заставлял их резко активизироваться, поскольку лишал их Самоса. О декрете было известно задолго до его официального объявления Никанором на Олимпийских играх, благодаря чему Афины в известной мере были подготовлены к сопротивлению. С афинской помощью, как считает автор, оставшиеся без дела наемники были переправлены Леосфеном из Азии на Тенар и там из них начали формировать отряды, которые позднее сыграли столь значительную роль в Ламийской войне.

В таких условиях прибытие Гарпала стало для многих в Греции свидетельством явного неблагоприятия в государстве Александра⁵ и послужило своего рода «запалом» для вскоре последовавшего взрыва – как только в Греции стало известно о смерти Александра.

Как оценить книгу Блеквелла? С основными положениями автора можно в той или иной мере согласиться, тем более что почти все они были уже высказаны и до него. Заслуга автора состоит, с нашей точки зрения, в том, что он свои выводы «заострил», доведя до логического конца. Интересной выглядит мысль о том, что Александр исходя из ситуации в Азии принимает решения, которые в Европе (спустя несколько месяцев) приводят к совершенно неожиданным результатам. Плодотворна мысль о том, что позиции и решения и Олимпиады, и Антипатра необходимо анализировать исходя из того, что они постоянно должны были учиты-

⁴ Mendels D. Aetolia 331–301: Frustration, Political Power, and Survival // *Historia*. 1984. 33. 2. P. 138.

⁵ Как и в Азии (*Badian. Harpalus...* P. 16–43).

вать не только волю Александра, но и свои собственные интересы, которые не всегда полностью совпадали с интересами царя.

Надо указать, что книга написана весьма многословно, к одной и той же мысли Х.Б. Блеквелл обращается буквально десятки раз в разных ее частях. Иногда автор в стремлении подкрепить свою позицию «находит» в источнике информацию, которой там в действительности нет. Например, говоря о том, что Антипатр не обращался в период войны с Агисом к греческим союзникам за помощью, ссылаясь на статьи Коринфского договора, Х.Б. Блеквелл несколько лукавит. Сообщения источников настолько кратки, что на основании их можно сделать как этот, так и прямо противоположный вывод⁶. Отмечая отсутствие помощи Антипатру со стороны Александра в это время, он также несколько сгущает краски. Во всяком случае, деньги, отправленные царем Антипатру, современный исследователь называет «фантастической суммой»⁷.

Однако наибольший недостаток работы, как кажется, заключается в том, что ее автор постоянно ищет «институциональные» составляющие в позициях отдельных лиц⁸. Так он «обрабатывает» и с Антипатром, и с Олимпиадой. Поражает несколько наивная уверенность в том, что если бы функции, например, Антипатра в его взаимоотношениях с греками (в рамках Коринфского договора) были бы четко определены, то события развивались бы по-другому.

Х.Б. Блеквелл не принимает в расчет, что только в конце жизни Филиппа Эллада оказалась под македонским контролем и, соответственно, для выработки настоящей системы взаимоотношений между полисами и македонской монархией просто не было времени. В общем, говоря совсем упрощенно, в течение всей эллинистической эпохи не было найдено адекватного решения данной проблемы. Даже в конце этой эпохи возникающие коллизии, в сущности, решались с позиции силы. Созданные формы взаимодействия работали лишь при сохранении того или иного баланса сил. Как только этот баланс менялся, все правовые нормы, которые, казалось бы, успешно функционировали десятилетия, тут же отбрасывались. Так что думать о том, что Антипатр и греки действовали бы по-другому, если бы функции его были четко определены Александром или, что еще лучше, самим Коринфским договором, по меньшей мере наивно.

Л. П. Маринович

© 2003 г.

A.R. BIRLEY. Hadrian: the restless emperor. London – New York: Routledge, 1999. XVIII + 399 p., maps, ils.

«Адриан давно нуждался в новой биографии». Такими словами начинает свою очередную книгу известный британский антиковед, ныне профессор древней истории университета Генриха Гейне в Дюссельдорфе, Энтони Берли.

Действительно, последняя монографическая работа, посвященная собственно римскому императору Адриану (годы жизни 76–138, правления 117–138), вышла из-под пера Б. Гендерсона еще в 1923 г.¹ и, по довольно суровой оценке Берли, отставала от времени уже в момент выхода в свет. Ей были присущи легковесное модернизаторство, менторский тон и явное предубеждение к германской («тевтонской») историографии, вследствие чего наиболее фундаментальная, на взгляд Берли, хотя и неудобочитаемая работа В. Вебера², была Гендерсоном попросту проигнорирована.

Впрочем, актуальность новой книги об Адриане объясняется и иными, уже объективными обстоятельствами, на которые также указывает автор. За истекшие три четверти века значительно расширился круг источников прежде всего документального характера: папирусных,

⁶ *Маринович Л.П.* Спарта времени Агиса III // *Античная Греция. Т. 2. Кризис полиса. М., 1983. С. 259–279.*

⁷ *Badian E.* Agis III // *Hermes. 1967. 95. P. 188.*

⁸ Поразительно, что автор при этом обвиняет Н. Хэммонда в преувеличении значения «институционального» принципа. В первую очередь имеется в виду следующая работа: *Hammond N.G.L. The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxf., 1989.*

¹ *Henderson B.W.* The Life and Principate of the Emperor Hadrian. L., 1923.

² *Weber W.* Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrianus. Lpz, 1907.